

Снежные глаголы Любви Новиковой

Новикова Любовь Николаевна. Перечёркнутый сугроб, М.: Ярославль, Индиго, 2025.

Подлинная поэзия приближает нас к небу – о! не к тому, которым, потрясённые, любуемся, чистотой ли, течением башнеподобных облаков, либо звёздным садом, дарящим золотые мечтания; но к немыслимому метафизическому небу, что проступает порою в откровениях мудрецов и поэтов, и которое (возможно) есть наша духовная родина...

Новая книга Любви Новиковой – уже энергией названия – настраивает читательское сознание на ассоциативный ряд: «Перечёркнутый сугроб» словно, вспыхивая белизною, вместе показывает и чёрную линию: увы, так часто расправляющуюся с судьбами.

Сквозное одиночество поэта отдаёт провидением:

Теперь пришёл и мой черёд.
Ну, кто со мной на эшафот.
Обуглен дом, обуглен рот. Слова сожжены.
И повалили жемчуга –
Большие белые снега.
Со мной ни друга, ни врага.
Одни иконы.

Мужественный звук: никакого отчаяния, провалы в него недопустимы: и световые образы икон подтверждают небесный привкус стихотворений Новиковой.

Её глагол суров и нежен одновременно: как зима, так легко совмещающая качества.

Но и предельное мастерство демонстрирует Новикова – тем, что никакого не ощущается: стих льётся, звучит горлом, лентами звукописи вырывается из сердца, опалённого жизнью и любящего её.

Мир богат, реестр его огромен, но поэт, вооружённый и освящённый даром, словно проходит лабиринтом соблазнов, зная, что миражи это, даже если конкретика их велика, поэтому:

Всё ясней проступают святые знаки:
Тень отца в поднебесных предвечных высях.
Да могильный холмик моей собаки.
Да твои сорок семь незабвенных писем.

Вот и всё, что я нажила на свете.
Всё, о чём мне плакать, о чём молиться.
Остальное – ветер. Осенний ветер.
И чёрные птицы.

Метафизика жизни включает любовь и боль, звук и красоту, память и стоическое отношение ко всему происходящему – особняки к оной метафизике не относятся.

Много движения в поэзии Новиковой, много пространства, часто создаётся ощущение сплошного кружения, завораживающего, как молитва:

Я хотела догнать метель.
Но летела метель, мела.
Ничего не знала метель
Про земные мои дела.

Я была в эту ночь одна.
Но не страшно было одной
В эту ночь стоять у окна,
За метелью следить ночной.

Много тайны: код ночной метели не расшифровать, даже соприкасаясь с ней сердцем сердца: самой алхимической его глубиной.

Но и – кротость голубиная слышится во многих произведениях поэта: смирилась с миром, примирилась с собственным образом...

Сжилась со своею бездной.

От древних плачей – густая насыщенность стиха Новиковой:

Лишь чьи-то тени мечутся вдали.
Но то – не люди.
Не те они. А те – давно ушли.
И их не будет.

И до конца теперь служить чужим.
Осиротела.

А тех, кто был прибежищем моим,
Тех – проглядела.

Тоска по быломu?

Голос, обретающий ностальгические ноты?

Всё так, но и – тоска по подлинности людской, совмещающаяся с верой в необходимость оной.

Жить душой – исследовать все нюансы вмещённой в тело, сложно устроенной, скорбящей и ликующей.

Поэзия Новиковой – в значительной мере – исследование собственной души: щедрое исследования-раздаривание себя – тем, чьи сердца не ороговели ещё в постоянном кружении сует и соблазнов.

Снежная чистота голоса, даже если трагизм жизни полосует ножами сознание, даже если ножи его стремятся сам голос перерезать, оборвать!

Всё равно – песня звучит, звучит, ступенями высоких нот поднимаясь в небесную беспредельность:

Опять бессонной будет эта ночь.

И мне тоски её не превозмочь.

Она забилась тьмой в пустых углах.

Она мерцает в бледных зеркалах.

Как холодно. Как тесен тёмный круг.

И мне не вырваться из цепких мук.

Не вырваться, на помощь не позвать.

Не знаю слов, которыми кричать.

И собственное отчаяние, изученное мерой мира, обращается в открытую игру созвучий.

Тяжёлые состояния приходится переживать поэту.

Время порой ощущается сгущённой субстанцией, и, рядом с ним, как почувствовать вечность, в которую отправляются стихи?

Я не стану больше думать ни о чём.

Хватит время подпирать своим плечом.

В том, что я жива сегодня, как мертва

Не моя одна повинна голова.

Вот она – философия жизни: сама есть плетение обстоятельств, бесконечно ветвящаяся цепочка, а созидает их не человек.

Орнамент может оказаться сильнее дороги: но и он – даст новые варианты песен.

Поэт перекрашивает свет – легко, играя, совершенно всерьёз, абсолютно по-детски, глубоко, умудрённо:

Я есть ли, нет – сама не знаю.
Я всё по краю, всё по краю.
Всё по обочине. Всё где-то.
Ни шума не люблю, ни света.

На свете много странных линий.
И белый свет – он больше синий.

От неба синего, от моря.
От васильков на белой шторе.

Вам всё равно. А я б хотела
Стать независимой от тела.
Вам всё равно. А я – такая.
Я всё по краю. Всё по краю.

Не так ли проявляется – своеобразно – любовь к Богу? Желанием вырваться из тела, стать сутью сплошной, бело-сине-снежной, лёгкой и полётной – противоречия косной дебелисти жизни, даже, когда прекрасна – в своих проявлениях.

Ложные линии, как будто стирает Новикова.

Её стихи – только из верных и выверенных линий.

При лирическом, мощном напоре – они алгебраически точны.

Строки-формулы...

Новая книга Новиковой поёт и светится.

Она издана в Ярославле, интересно, что издательство, давшее книге жизнь, называется «Индиго»...

...дети-индиго: становящееся модным понятие: не такие как все, одарённые сложными способностями: в поэте всегда есть нечто от одного образа. Книга посвящена памяти Людмиле Михайловне Климовой: механизмы памяти вращаются всегда; хотя и кажется порой, что это человек принадлежит памяти, а не она ему.

Метафоры Новиковой – своеобразны, и, работая на оборотах сближения не сближаемых, казалось бы, явлений, словно увеличивают объёмность и смыслоёмкость стиха:

Не валит снег. Лишь порошит слегка.
Хотя декабрь уже у половины.
Равнина, как небритая щека,
Заросшая трёхдневною щетиной.

С разных ракурсов можно рассматривать поэзию Новиковой: и с болевого, и с эстетического, и с философского, и с сострадательного: но, какой ни избери, всё будет высоко, благородно, артистично, всё связано с теми таинственными сияниями, которые возвеличивают душу.

Примечание: Александр Балтин родился в Москве, в 1967 году. Член Союза писателей Москвы, автор 85 книг. Постоянный автор ПМ.